

УДК 316.344.24-051

Острога В. М.**СОЦИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ УЧИТЕЛЕЙ ГОРОДСКИХ УЧИЛИЩ БЕЛАРУСИ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.**

Во второй половине XIX – начале XX вв. учительство составляло значительную часть интеллигенции Беларуси и играло важную роль в духовной жизни общества, способствуя распространению грамотности среди широких слоев населения. В своей образовательной политике царское правительство руководствовалось в первую очередь политическими целями, а потом уже просветительскими, что ярко демонстрировало содержание школьной реформы 1864 г. и соответствующая организация учебно-воспитательного процесса. В городах на органы самоуправления возлагалась, кроме прочего, и работа по распространению просвещения, которая выражалась в финансировании существовавших на то время учебных заведений и открытии новых. В связи с этим на повестку дня вставала проблема обеспечения школы квалифицированными педагогическими кадрами. В статье подчеркивается, что учителя городских училищ занимали определенную нишу в социальной структуре населения. Их социальный статус определяли существующие нормативно-правовые акты, которые строго регулировали педагогическую деятельность учителей и организацию учебно-воспитательного процесса, а также уровень материального положения, который в состоянии был обеспечить лишь самые минимальные потребности «учащего».

Введение. Несмотря на серьёзное отставание России от более развитых стран Запада по уровню грамотности населения, со второй половины XIX в. значительно расширилась система народного образования за счет возникновения и динамичного развития новых типов начальной и средней школы. 31 мая 1872 г. уездные училища как всесословные начальные учебные заведения Министерства народного образования, учрежденные в начале XIX в. в губернских и уездных городах империи, были преобразованы в городские училища. Они были созданы с целью «доставления детям всех сословий начального умственного и религиозно-нравственного образования», состояли в главном ведении Попечителей учебных округов и в ближайшем заведывании директоров народных училищ. Городские училища разделялись на одноклассные, двухклассные, трёхклассные и четырёхклассные. По ходатайству земств, городских обществ, сословий или частных лиц, содержащиеся на их средства городские училища могли быть учреждены также в составе пяти или шести классов [18, с. 1544, 1548].

Основная часть. Уже к 1 января 1909 г. число городских училищ в Беларуси достигло 79. По сравнению с предыдущим годом их количество увеличилось на 13, причём 5 новых училищ было открыто в местечках. Руководство округа такую тенденцию приветствовало и считало её «ответом на потребность населения в повышенном типе народной школы». Число классов в городских училищах было разным: 2 шестиклассных, 47 четырёхклассных и 30 трёхклассных. Здания училищ далеко не соответствовали своему назначению. Из 79 городских училищ только 21 имело собственные дома, 49 размещались в наёмных, 8 в городских зданиях и 1 в общественном доме. Всего в городских училищах обучался 12501 ученик, в среднем на каждое училище приходилось около 158 учащихся. Служащих во всех городских училищах к 1 января 1909 г. было 618 человек, на 89 больше по сравнению с предыдущим годом. Количество же собственно учителей было почти вдвое меньше – 340 человек [2, с. 357–358]. «Идеал народного учителя представлялся российскому школьному руководству в виде толерантного, скромного, неприметного труженика на ниве народного просвещения, который хорошо осознаёт важность учительского долга и преданно служит церкви и царскому трону» [13, с. 138].

Согласно закону «О принятии в гражданскую службу», штатные городские учителя являлись служащими: «лица, имеющие право на занятие должности учителя исправляя должность преподавателя, пользуются всеми правами государственной службы» [17, с. 723]. Учителями и их помощниками могли быть успешно окончившие полный курс обучения в учительских институтах, а также лица, выдержавшие в учительских институтах «полное испытание как в теоретических научных познаниях, так и в умении преподавать в городском училище». Разрешалось также занимать вакантные должности лицам, имеющим свидетельства

на звание учителя уездного училища, а также домашних наставницам и учительницам к преподаванию всех предметов в двух младших отделениях городских училищ, и приобретшим право на обучение соответствующей специальности к преподаванию «новых языков» и других дополнительных предметов. По образовательному цензу они соответствовали установленным нормам законодательства: почти все «учащие» окончили курс обучения в Виленском учительском институте [2, с. 357–358]. Но в связи со значительным ростом новых городских училищ и недостатком для замещения открывающихся учительских вакансий выпускников учительских институтов места замещались также лицами, окончившими учительские семинарии. Так, С. И. Телентюк, выпускник Свислочской учительской семинарии, на основании Высочайше утвержденного 22 апреля 1868 г. мнения Государственного совета о специальных испытаниях по Министерству народного просвещения «подвергшись полному специальному испытанию на звание учителя уездного училища в Педагогическом совете Мозырской прогимназии и выдержав оное удовлетворительно, удостоен права преподавания в уездном училище истории, с предоставлением ему всех служебных прав и преимуществ, присвоенных учителям уездных училищ». В 1901 г. он был назначен на должность учителя наук при Дриссенском уездном училище [4, л. 15–17].

При первоначальном определении на службу в учебные заведения, которые содержались за счёт казны, учителя городских имели право на получение «третьего, не в зачёт, жалованья из государственного казначейства». Также воспитанникам и воспитанницам учебных заведений всех типов, а также лицам, приобретшим учительское звание путём установленного для того испытания, при первоначальном определении на учебную службу выдавались «прогонные деньги на две лошади на всякое расстояние» [17, с. 736].

По штату при каждом городском училище полагался законоучитель и столько штатных учителей, сколько открывалось классов. Один из самых опытных учителей по представлению директора народных училищ определенной губернии и с утверждения попечителя Виленского учебного округа назначался заведующим одноклассным или двухклассным училищем. Учителя, заведующие трёхклассными и четырёхклассными городскими училищами, назывались инспекторами. Все они являлись начальниками вверенных им училищ, имея в подчинении всех служащих в училище лиц. В специальной «Инструкции для городских училищ по положению 31 мая 1872 г.», утвержденной 18 января 1894 г., чётко определялись должностные обязанности всех служащих. Начальники училищ обязаны были наблюдать за ходом учебно-воспитательного процесса, а также хозяйственной частью училищ (несли ответственность за выполнение всех предписаний учебного начальства, учебного плана и программ, должны были посещать уроки во всех классах, организовывать замену отсутствующих учителей, вести общий надзор за поведением учеников, отвечать за сохранность училищного имущества, осуществлять наем прислуги и т. д.) [18, с. 1589–1590].

Каждому штатному учителю поручалось преподавание во вверенном ему классе всех предметов, кроме Закона Божия, пения и гимнастики. В одноклассных училищах дополнительно вводилась должность учительского помощника. Обучение пению и гимнастики возлагалось, за особое вознаграждение, положенное по штату, на тех же учителей, если они могли обучать этим предметам, или же приглашались особые учителя по найму. В классе учителя должны были использовать только учебники и учебные пособия из числа одобренных учебным комитетом Министерства народного просвещения и Св. Синодом. Запрещалось любое отступление от учебных программ. Учителя не имели права отказаться от занятий и поручений, связанных с занимаемой ими должностью, а также без предварительного разрешения директора народных училищ не могли вести занятия в других учебных заведениях. Циркулярным распоряжением от 1 июля 1872 г. министерство запретило переход среди учебного года «лиц педагогического персонала» на службу из одного учебного заведения во второе, даже в пределах того же учебного округа [19, с. 180]. Следует отметить, что учителя старательно и ответственно относились к своим служебным обязанностям. Например, из отчёта о состоянии Слуцкого городского училища за 1904 г. видно, что пропуски учебных занятий были совсем незначительными и все по уважительным причинам: командировки для производства льготного испытания учеников, увольнительные прошения, а также болезнь [9, л. 89–90].

лование – по 343 руб, столовых – по 186 руб. 20 коп. и по 75 руб. квартирных. По 75 руб. выделялось на оплату труда учителей пения и гимнастики. Кроме того, были предусмотрены расходы на приобретение учебных пособий, канцелярских товаров, содержание и ремонт здания училища, содержание прислуги и др. на сумму 960 руб. 75 коп. [10, л. 12–13].

Добавочное вознаграждение выплачивалось или общественным учреждением, которое принимало участие в содержании училища (примерно 22 руб. на учителя), или министерством, которое выделяло его в виде 20 % прибавки (123 руб.) основного оклада жалования. К «добавочным занятиям» при училище относили заведывание библиотекой, секретарство в педагогическом совете, занятие пением, гимнастикой, ручным трудом и сверхурочные занятия с отстающими учениками. Например, в Чашницком училище некоторые сотрудники получили единовременные вознаграждения за исполнение дополнительных обязанностей: письмоводителя училища за весь 1915 г. – инспектору Ф. Львову 120 руб.; библиотекаря за 2 месяца – учительнице Е. Пестер 12 руб. 50 коп.; секретаря педагогического совета за 2-е полугодие – учителю А. Долгополову 37 руб. 50 коп. За обучение физическим упражнениям А. Долгополов получил ещё 16 руб. 66 коп. [6, л. 1–2, 5].

Но и такие сравнительно небольшие деньги, которые получали штатные учителя, составляли «предмет вожделений» целой группы их коллег – так называемых учительских помощников, которые были достаточно широко представлены в провинциальных городах в одноклассных училищах. Они зарабатывали всего лишь 300 руб., причём нередко за 24 недельных урока. Совершенно неопределённым в смысле материального обеспечения являлось положение сверхштатного учителя (такая должность вводилась чаще всего в крупных городах). То вознаграждение, которое он получал, зависело от случайного количества уроков, иногда и от договора с «замещаемым учителем» [11, с. 5].

Многие учителя характеризовали своё материальное положение как «гнетущее, плачевное, граничащее иногда с нищетою». Они задавались вопросом: «где же здесь справедливость, где сознание трудности и важности дела учителя», который на приобретение профессии затрачивает 13–17 лет (начальная школа – 3 года, четырехклассное училище – 4 года, учительская семинария – 3 года, иногда учительство до 4 лет и 3 года учительский институт). Получив по окончании института место «учащего» и «став в ряды уездной интеллигенции, получавшей несравненно большие оклады (земский начальник – 2700 руб., член суда – 3500 руб., следователь – 3300 руб.), городской учитель сразу же убеждается, что его великое, ответственное дело в современной оценке – «грошовое дело»; этой оценкой в сильной степени определяется и его общественное место» [11, с. 8].

Учителям городских училищ полагались пенсии. Прослужившие «беспорочно в учебной службе министерства народного просвещения» двадцать пять лет и более получали полный оклад их жалованья. Пенсии за 15 и 20 лет службы назначались лишь при выходе учителя в отставку (в размере, соответственно, $\frac{1}{2}$ и $\frac{3}{4}$ первоначального оклада), причём за 15-летнюю службу только при выходе в отставку по причине «болезненного состояния» [17, с. 876–877]. Следует отметить, что многие учителя городских училищ до поступления в учительский институт служили сельскими учителями, и служба эта впоследствии не была засчитана на выслугу пенсии. Естественно, такое явление нельзя было считать нормальным, так как служба как сельского, так и городского учителя являлась однородным занятием, причём условия работы сельского учителя представлялись более трудными, а труд менее оплачиваемым. Такое положение вещей городские учителя считали несправедливым.

Условия труда учителей нельзя было назвать хорошими. Как правило, училища размещались в тесных, непригодных зданиях, которые арендовались у частных лиц. К примеру, Слуцкое городское трёхклассное училище находилось на окраине города в доме купца Файнберза. Дом был двухэтажным: нижний – каменный, который служил квартирой учителя-инспектора, и верхний – деревянный, предназначенный для проведения учебных занятий. Вторая часть училища находилась в пристройке. Вместе с тем в этих зданиях не было ни гимназического зала, ни раздевалок для учеников, ни комнаты для сторожа, ни училищного двора. Сохранившаяся «Ведомость о здании училища в санитарном отношении и о школьной мебели к 1 января 1906 г.» даёт представление о площади пола и кубическом содержании

воздуха в классных комнатах, количестве окон и освещении, школьной мебели, которые, понятно, уступали существующим нормативам. Всё это даёт возможность судить об условиях организации рабочего места учителя. Директора народных училищ выделяли специальные помещения для жилья начальникам училищ, которые не всегда соответствовали необходимым санитарным нормам. Так, квартира учителя-инспектора, расположенная в здании Слуцкого училища, представляла собой «самое убогое помещение, одну большую комнату, разделенную дощатыми перегородками на 3 комнаты без всяких удобств, которые необходимы для жизни всякого семейного человека, даже нет кухни» [9, с. 79, 104]. Что же касается самих учителей, то при наличии свободных помещений с разрешения начальника они получали квартиры при училищах, выполняя все правила по внутреннему порядку дома, выработанные начальником и утверждённые директором народных училищ. Но таких счастливиц было мало. Согласно анкетным данным, большинство учителей нуждалось в улучшении жилищных условий, так как «арендовали съёмное жильё»: «ютились на краю города в квартирке в 2-3 комнаты при семье в 5-6 человек» («отец семьи нередко не имеет особой комнаты для отдыха после трудового дня») и вынуждены были заниматься за одним столом с детьми [1, с. 114].

Источники сохранили очень мало сведений о повседневной жизни и быте учителей. Понятно, что естественное желание обеспечить своей семье сносные условия существования заставляли учителя работать весь день. Вечер был занят проверкой ученических тетрадей и подготовкой к урокам следующего дня. Учитель практически не мог найти свободного времени для личной жизни и семьи (многие из них брак считали не только роскошью, но и своего рода преступлением), для элементарного отдыха, самообразования. Учитель вынужден был экономить на питании (большинство учительских семей могли позволить себе мясные блюда не более 3 раз в неделю), летних поездках, педагогических курсах, лечении, отказывал в помощи близким родственникам, живущим отдельно, и т. д.

В условиях длительной перегрузки, постоянных самоограничений и жертв, как отмечали современники, «педагог-человек обыкновенно исчезает и формируется педагог-машина», у которого строго расписан каждый час, каждое действие, каждая копейка; сбой и отступления были просто недопустимы. Такая обремененность однообразной работой в условиях материальной необеспеченности негативно сказывалась на психике учителя, продуктивности его труда и физическом состоянии. Поэтому частыми «учительскими недугами» становились болезни глаз, нервной, дыхательной и сердечно-сосудистой систем. В архивах сохранилось много прошений от «учащих» на основе «медицинских свидетельств о болезни» о выделении пособий на лечение [8].

Как отмечали современники, «на почве вынужденной экономии» учителю приходилось «культивировать свою отчуждённость от общества. Обязанные воспитывать общественность в детях, они сами вынуждены бежать от этой общественности», вести достаточно замкнутую и одинокую жизнь. Общественная жизнь сопряжена с расходами, она требовала приличного вида, соответственно, достойного костюма. Вместе с тем в своих анкетах учителя отмечали, что именно «по потрёпанному, заношенному костюму у нас узнают учителей городских училищ». По понятной причине учитель часто отказывался от всяких развлечений (например, посещения спектаклей и концертов), от встреч с друзьями и коллегами, даже от выписки необходимых журналов и газет. Но «без стремления к самообразованию... в человеке умирает учитель», ибо «дело школы есть дело живое, развивающееся», которое совершенствоваться может только тогда, когда сам учитель стремится к самообразованию и развитию своей личности [1, с. 114, 115].

В июне 1910 г. в Петербурге в здании технологического института проходил Первый Всероссийский съезд учителей городских, по положению 1872 г., училищ. На этом достаточно представительном форуме присутствовало 500 делегатов, из которых «29 причислили себя к белорусскому племени». После торжественной части заседания сосредоточились примерно в трёх секциях, которые рассматривали вопросы выработки основ реформы городской школы, учебно-воспитательной работы, а также материального и правового положения учителей городских училищ. Из всех прочитанных докладов особый интерес для нас представляют те, которые составлены на основе анкетных данных учителей. Так, В. Баланин, проанализировав общие сведения о городских училищах, пришел к выводу о том, что: «1) район, обслуживаемый одним училищем, велик; 2) программа в первых трёх классах... непо-

лование – по 343 руб, столовых – по 186 руб. 20 коп. и по 75 руб. квартирных. По 75 руб. выделялось на оплату труда учителей пения и гимнастики. Кроме того, были предусмотрены расходы на приобретение учебных пособий, канцелярских товаров, содержание и ремонт здания училища, содержание прислуги и др. на сумму 960 руб. 75 коп. [10, л. 12–13].

Добавочное вознаграждение выплачивалось или общественным учреждением, которое принимало участие в содержании училища (примерно 22 руб. на учителя), или министерством, которое выделяло его в виде 20 % прибавки (123 руб.) основного оклада жалования. К «добавочным занятиям» при училище относили заведывание библиотекой, секретарство в педагогическом совете, занятие пением, гимнастикой, ручным трудом и сверхурочные занятия с отстающими учениками. Например, в Чашницком училище некоторые сотрудники получили единовременные вознаграждения за исполнение дополнительных обязанностей: письмоводителя училища за весь 1915 г. – инспектору Ф. Львову 120 руб.; библиотекаря за 2 месяца – учительнице Е. Пестер 12 руб. 50 коп.; секретаря педагогического совета за 2-е полугодие – учителю А. Долгополову 37 руб. 50 коп. За обучение физическим упражнениям А. Долгополов получил ещё 16 руб. 66 коп. [6, л. 1–2, 5].

Но и такие сравнительно небольшие деньги, которые получали штатные учителя, составляли «предмет вожеланий» целой группы их коллег – так называемых учительских помощников, которые были достаточно широко представлены в провинциальных городах в одноклассных училищах. Они зарабатывали всего лишь 300 руб., причём нередко за 24 недельных урока. Совершенно неопределённым в смысле материального обеспечения являлось положение сверхштатного учителя (такая должность вводилась чаще всего в крупных городах). То вознаграждение, которое он получал, зависело от случайного количества уроков, иногда и от договора с «замещаемым учителем» [11, с. 5].

Многие учителя характеризовали своё материальное положение как «гнетущее, плачевное, граничащее иногда с нищетою». Они задавались вопросом: «где же здесь справедливость, где сознание трудности и важности дела учителя», который на приобретение профессии затрачивает 13–17 лет (начальная школа – 3 года, четырехклассное училище – 4 года, учительская семинария – 3 года, иногда учительство до 4 лет и 3 года учительский институт). Получив по окончании института место «учащего» и «став в ряды уездной интеллигенции, получавшей несравненно большие оклады (земский начальник – 2700 руб., член суда – 3500 руб., следователь – 3300 руб.), городской учитель сразу же убеждается, что его великое, ответственное дело в современной оценке – «грошовое дело»; этой оценкой в сильной степени определяется и его общественное место» [11, с. 8].

Учителям городских училищ полагались пенсии. Прослужившие «беспорочно в учебной службе министерства народного просвещения» двадцать пять лет и более получали полный оклад их жалования. Пенсии за 15 и 20 лет службы назначались лишь при выходе учителя в отставку (в размере, соответственно, $\frac{1}{2}$ и $\frac{3}{4}$ первоначального оклада), причём за 15-летнюю службу только при выходе в отставку по причине «болезненного состояния» [17, с. 876–877]. Следует отметить, что многие учителя городских училищ до поступления в учительский институт служили сельскими учителями, и служба эта впоследствии не была засчитана на выслугу пенсии. Естественно, такое явление нельзя было считать нормальным, так как служба как сельского, так и городского учителя являлась однородным занятием, причём условия работы сельского учителя представлялись более трудными, а труд менее оплачиваемым. Такое положение вещей городские учителя считали несправедливым.

Условия труда учителей нельзя было назвать хорошими. Как правило, училища размещались в тесных, непригодных зданиях, которые арендовались у частных лиц. К примеру, Слуцкое городское трёхклассное училище находилось на окраине города в доме купца Файнберга. Дом был двухэтажным: нижний – каменный, который служил квартирой учителя-инспектора, и верхний – деревянный, предназначенный для проведения учебных занятий. Вторая часть училища находилась в пристройке. Вместе с тем в этих зданиях не было ни гимназического зала, ни раздевалок для учеников, ни комнаты для сторожа, ни училищного двора. Сохранившаяся «Ведомость о здании училища в санитарном отношении и о школьной мебели к 1 января 1906 г.» даёт представление о площади пола и кубическом содержании

воздуха в классных комнатах, количестве окон и освещении, школьной мебели, которые, понятно, уступали существующим нормативам. Всё это даёт возможность судить об условиях организации рабочего места учителя. Директора народных училищ выделяли специальные помещения для жилья начальникам училищ, которые не всегда соответствовали необходимым санитарным нормам. Так, квартира учителя-инспектора, расположенная в здании Слуцкого училища, представляла собой «самое убогое помещение, одну большую комнату, разделенную дощатыми перегородками на 3 комнаты без всяких удобств, которые необходимы для жизни всякого семейного человека, даже нет кухни» [9, с. 79, 104]. Что же касается самих учителей, то при наличии свободных помещений с разрешения начальника они получали квартиры при училищах, выполняя все правила по внутреннему порядку дома, выработанные начальником и утверждённые директором народных училищ. Но таких счастливиц было мало. Согласно анкетным данным, большинство учителей нуждалось в улучшении жилищных условий, так как «арендовали съёмное жильё»: «ютились на краю города в квартирке в 2-3 комнаты при семье в 5-6 человек» («отец семьи нередко не имеет особой комнаты для отдыха после трудового дня») и вынуждены были заниматься за одним столом с детьми [1, с. 114].

Источники сохранили очень мало сведений о повседневной жизни и быте учителей. Понятно, что естественное желание обеспечить своей семье сносные условия существования заставляли учителя работать весь день. Вечер был занят проверкой ученических тетрадей и подготовкой к урокам следующего дня. Учитель практически не мог найти свободного времени для личной жизни и семьи (многие из них брак считали не только роскошью, но и своего рода преступлением), для элементарного отдыха, самообразования. Учитель вынужден был экономить на питании (большинство учительских семей могли позволить себе мясные блюда не более 3 раз в неделю), летних поездках, педагогических курсах, лечении, отказывал в помощи близким родственникам, живущим отдельно, и т. д.

В условиях длительной перегрузки, постоянных самоограничений и жертв, как отмечали современники, «педагог-человек обыкновенно исчезает и формируется педагог-машина», у которого строго расписан каждый час, каждое действие, каждая копейка; сбой и отступления были просто недопустимы. Такая обремененность однообразной работой в условиях материальной необеспеченности негативно сказывалась на психике учителя, продуктивности его труда и физическом состоянии. Поэтому частыми «учительскими недугами» становились болезни глаз, нервной, дыхательной и сердечно-сосудистой систем. В архивах сохранилось много прошений от «учащих» на основе «медицинских свидетельств о болезни» о выделении пособий на лечение [8].

Как отмечали современники, «на почве вынужденной экономии» учителю приходилось «культивировать свою отчуждённость от общества. Обязанные воспитывать общественность в детях, они сами вынуждены бежать от этой общественности», вести достаточно замкнутую и одинокую жизнь. Общественная жизнь сопряжена с расходами, она требовала приличного вида, соответственно, достойного костюма. Вместе с тем в своих анкетах учителя отмечали, что именно «по потрёпанному, заношенному костюму у нас узнают учителей городских училищ». По понятной причине учитель часто отказывался от всяких развлечений (например, посещения спектаклей и концертов), от встреч с друзьями и коллегами, даже от выписки необходимых журналов и газет. Но «без стремления к самообразованию... в человеке умирает учитель», ибо «дело школы есть дело живое, развивающееся», которое совершенствоваться может только тогда, когда сам учитель стремится к самообразованию и развитию своей личности [1, с. 114, 115].

В июне 1910 г. в Петербурге в здании технологического института проходил Первый Всероссийский съезд учителей городских, по положению 1872 г., училищ. На этом достаточно представительном форуме присутствовало 500 делегатов, из которых «29 причислили себя к белорусскому племени». После торжественной части заседания сосредоточились примерно в трёх секциях, которые рассматривали вопросы выработки основ реформы городской школы, учебно-воспитательной работы, а также материального и правового положения учителей городских училищ. Из всех прочитанных докладов особый интерес для нас представляют те, которые составлены на основе анкетных данных учителей. Так, В. Баланин, проанализировав общие сведения о городских училищах, пришел к выводу о том, что: «1) район, обслуживаемый одним училищем, велик; 2) программа в первых трёх классах... непо-

сильна для учащихся; 3) городские училища не привлекают достаточного числа учащихся вследствие того, что не удовлетворяют запросам населения; 4) недостаток учителей, окончивших учительские институты, объясняется, главным образом, низкой оплатой учительского труда». Всеобщий интерес вызвал доклад Н. Тулупова о состоянии школьных библиотек. Было отмечено, что педагогические журналы выписывались 81 % всех училищ, остальные же вынуждены отказаться из-за недостатка средств. Почти половина всех училищ не выписывала общих журналов, около 70 % – газет. Учителя жаловались на дороговизну пособий по физике, естествознанию и другим предметам. Звучала критика и в адрес имеющихся школьных учебников. Заслуживает внимания и доклад В. Климентая, посвященный учебно-воспитательной работе в городских училищах. Автор подчёркивал, что «внеклассные занятия и развлечения учащихся носили случайный характер»: не было никаких внеклассных занятий и развлечений в 14 % училищ, внеклассные чтения проводились лишь в 7 % из них, а школьные праздники – в 16,5 % училищ. Редко организовывались образовательные экскурсии и спектакли. Взаимоотношения учителей и учащихся «настолько ненормальны, что преподаватели вынуждены прибегать для поддержания своего авторитета к разным карательным мерам, не исключая телесного наказания при помощи родителей. Богатый фактический материал о материальном положении «учащих» городских училищ, озвученный и проанализированный в докладе Н. А. Запанкова, вызвал широкий резонанс и послужил исходной точкой дебатов и постановлений съезда. Таким образом, из выступлений, обсуждавшихся вопросов и принятых резолюций, в том числе касавшихся социального положения учителя, достаточно ярко была представлена картина состояния городских училищ и их учителей в начале XX в. и указано, на какие слабые стороны учебно-воспитательной и организационно-хозяйственной деятельности должна быть направлена энергия не только преподавательского состава, но и всего учебного начальства [12, с. 304–309].

В 1912 г. городские училища были преобразованы в высшие начальные училища – всеобщие учебные заведения открытого типа Министерства народного просвещения с 4-летним сроком обучения. Они подчинялись губернским Дирекциям народных училищ. В 1915 г. в 5 губерниях Беларуси работало 121 высшее начальное училище, в том числе 92 мужских, 4 женских и 2 смешанных. Они были упразднены декретом ВЦИК от 16 октября 1918 г. [15, с. 379].

Заключение. Таким образом, во второй половине XIX – начале XX вв. городской учитель – «душа школы» – находился в достаточно сложном положении в обществе. Его социальный статус определяли не только нормативно-правовые акты, фиксирующие права и обязанности «учащих», но и уровень материального положения. Учителя городских училищ являлись практически самым необеспеченным слоем среди других представителей городской интеллигенции. И это отрицательно сказывалось на «постановке школьного дела»: постоянный поиск дополнительной или выше оплачиваемой работы, низкая средняя продолжительность службы, вынужденная физическая и психическая перегруженность, ограниченные возможности для дальнейшего образования, жёсткая регламентация учебно-воспитательного процесса и др. факторы сковывали творческую инициативу учителя.

СПИСОК ЦИТИРОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Запанков, Н. А. К вопросу о материальном положении учителей городских, по Положению 1872 г., училищ // Русская школа. – 1909. – № 7/8. – С. 111–121.
2. Народное образование в Северо-Западном крае в 1908 году // Народное образование в Виленском учебном округе. – 1909. – № 8–9. – С. 352–364.
3. Дирекция народных училищ Могилевской губернии // Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Ф. 2254. – Оп. 1. – Д. 595.
4. Дело о доставлении формулярных списков о службе служащих Дриссенского городского училища и аттестатов. 1898–1914 // НИАБ. – Ф. 2725. – Оп. 1. – Д. 13.
5. Заявления преподавателей Чашницкого высшего начального училища об увольнении, отпуске пособий на лечение // НИАБ. – Ф. 2706. – Оп. 1. – Д. 32.
6. Копии требовательных ведомостей за январь 1916 г. // НИАБ. – Ф. 2706. – Оп. 1. – Д. 55.

7. Кондуитный журнал Витебского четырехклассного городского училища // НИАБ. – Ф. 2670. Оп. 1. – Д. 15.
8. Наряд рапортам учителей училища о выдаче пособия. 1903–1904 // НИАБ. – Ф. 2670. – Оп. 1. – Д. 175.
9. Циркуляры попечителя Виленского учебного округа // НИАБ. – Ф. 488. – Оп. 1. – Д. 17.
10. Денежные дела // НИАБ. – Ф. 488. – Оп. 1. – Д. 5.
11. Первый всероссийский съезд учителей городских, по Положению 1872 г., училищ // Для народного учителя / Под ред. Н. В. Тулупова. – М. : Тов-во И.Д. Сытина, 1909. – С. 4–10.
12. Первый всероссийский съезд учителей городских, по Положению 1872 г., училищ // Народное образование в Виленском учебном округе. – 1910. – № 11. – С. 304–309.
13. Снапковская, С. В. Развитие образования и педагогической мысли Беларуси : вторая половина XIX – начало XX вв. – М. : УРАОІТНІ, 2011. – 308 с.
14. Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемые при правительствующем сенате. 1863-1917. Отдел первый. – Санкт-Петербург : Сенатская тип., 1917. – № 48.
15. Сянькевіч, Г. Р. Вышэйшыя пачатковыя вучылішчы // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т. / Пад рэд. Б. І. Сачанка. – Мінск : Бел. энцыклапедыя імя П. Броўкі, 1994. – Т. 2. – С. 379.
16. Фальборк, Г. А. Настольная книга по народному образованию. 1899-1911 : в 3 т / сост. Г. Фальборк, В. Чарнолуцкий. – СПб. : Т-во «Знание», 1899. Т.1. – С. 1-713.
17. Фальборк, Г. А. Настольная книга по народному образованию. 1899-1911 : в 3 т / сост. Г. Фальборк, В. Чарнолуцкий. – СПб. : Т-во «Знание», 1901. – Т. 2. – С. 715-1538.
18. Фальборк, Г. А. Настольная книга по народному образованию. 1899-1911 : в 3 т / сост. Г. Фальборк, В. Чарнолуцкий. – СПб. : Т-во «Знание», 1904. – Т. 3. – С. 1539-2623.
19. Учительский календарь-справочник на 1911/1912 учебн. год. – Петербург; Киев : Сотрудник, 1911. – Ч. 2. – 706 с.

Ostroga V. M. The social situation of teachers of urban schools in Belarus in the second half of the XIX - early XX centuries

In the second half of the XIX – early XX centuries. Teaching was a significant part of the intelligentsia of Belarus and played an important role in the spiritual life of society, contributing to the spread of literacy among wide sections of the population. In its educational policy, the tsarist government was guided primarily by political goals, and then by enlightenment, which vividly demonstrated the content of the school reform of 1864 and the corresponding organization of the educational process. In cities, self-government bodies were assigned, among other things, to work on the dissemination of education, which was expressed in the financing of the existing educational institutions and the opening of new ones. In this connection, the issue of providing the school with qualified pedagogical staff was on the agenda. The article emphasizes that the teachers of urban schools occupied a certain niche in the social structure of the population. Their social status was determined by the existing regulatory and legal acts that strictly regulated the pedagogical activities of teachers and the organization of the educational process, as well as the level of material status, which was able to provide only the most minimal needs of the “student”.